

УДК 398(470.111)

DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-3-10-32

«Здесь вырос Мало, и здесь он промышляет»: функции ненецких песен нюкубц

Маргарита Г. Белодедова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, belmargam@yandex.ru*

Аннотация. Песни *нюкубц* – ненецкий жанр, который часто сопоставляют с колыбельными песнями, в частности с колыбельной русской традицией. Эти жанры могут сравниваться в связи с их принадлежностью одновременно к материнскому и к детскому фольклору: и колыбельные песни, и песни *нюкубц* могут исполняться как взрослыми для маленьких детей, так и самими детьми для своих младших братьев и сестер. Однако, несмотря на их частое сопоставление, эти жанры имеют довольно заметные различия, наиболее важные из которых проявляются в контекстах их исполнения. Важнейшей (но не единственной) функцией колыбельных русской традиции можно назвать «усыпляющую» (по терминологии В.В. Головина). Однако для ненецких *нюкубцев* их использование для убаюкивания детей скорее побочная возможность, свойственная лишь небольшой части песен. Среди функций, характерных для песен *нюкубц*, прослеживаются также и другие, сходные с выделяемыми для колыбельных песен русской традиции В.В. Головиным. Среди таких функций, помимо усыпляющей, можно отметить охранительную, прогностическую, эпистемологическую. Но главной для жанра песен *нюкубц*, судя по всему, является функция «ласкательная», позволяющая исполнителю песни выражать чувства по отношению к ее адресату. Статья посвящена описанию функций, характерных для детских песен *нюкубц*.

Ключевые слова: детская личная песня, личная песня, *нюкубц*, ненецкий детский фольклор, материнский фольклор

Дата поступления статьи: 10 ноября 2023 г.

Дата одобрения рецензентами: 28 декабря 2023 г.

Дата публикации: 27 сентября 2024 г.

Для цитирования: Белодедова М.Г. «Здесь вырос Мало, и здесь он промышляет»: функции ненецких песен нюкубц // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 3. С. 10–32. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-3-10-32

“Here Malo grew up, and here he hunts and fishes”: functions of Nenets nyukubts songs

Margarita G. Belodedova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, belmargam@yandex.ru*

Abstract. Nyukubts songs are a Nenets genre that is often compared to lullaby songs, in particular, to the lullaby of the Russian tradition. These genres can be compared, in particular, due to their belonging to both maternal and children’s folklore – both lullabies and nyukubts songs can be sung by adults for young children and by children themselves for their younger siblings. Despite their frequent comparison, however, these genres have quite marked differences, the most important of which are evident in the contexts in which they are performed. The most important (but not the only) function of lullabies in the Russian tradition can be called ‘putting to sleep’ (according to the terminology of V.V. Golovin). However, for Nenets nyukubtsy, their usage for lulling children to sleep is rather a side feature peculiar to only a small part of songs. Among the function’s characteristic of the Nenets nyukubts songs there are also other functions similar to those identified for lullaby songs of the Russian tradition by V.V. Golovin. Among such functions, in addition to the lulling function, one can mention protective, prognostic, epistemological functions. But the main function for the genre of nyukubts songs seems to be the ‘caressing’ function, which allows the performer of the song to express feelings towards its addressee. The article is devoted to the description of the functions of children’s nyukubts songs.

Keywords: personal song, nyukubts, Nenets children’s folklore, maternal folklore

Received: November 10, 2023

Approved after reviewing: December 28, 2023

Date of publication: September 27, 2024

For citation: Belodedova, M.G. (2024), “‘Here Malo grew up, and here he hunts and fishes’: functions of Nenets nyukubts songs”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 3, pp. 10–32, DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-3-10-32

Что такое *нюкубц*? Этот песенный жанр практически не попадал в поле зрения исследователей, а в 80-е годы XX в. собирателями ненецкого фольклора¹ описывался как ненецкий эквивалент русских колыбельных песен.

Одним из немногочисленных сходств жанра *нюкубц* с колыбельными песнями русской традиции оказывается их адресат – ребенок. Песни *нюкубц* поют для детей и обычно в их присутствии, и каждая исполняемая песня имеет прямое отношение к конкретному ребенку – она принадлежит ему (ПМА 2022, 2023). Песни *нюкубц* создаются кем-то из ближайших родственников ребенка, и считается, что они передаются ему в дар [Добжанская 2017b]. Они исполняются обычно в узком семейном или соседском кругу и только теми взрослыми, которые хорошо знают ребенка, часто его видят и проводят с ним время (ПМА 2022; ПМА 2023). В этих песнях малыш часто предстает богатым оленеводом, кочующим теми же дорогами, что и его предки, а если песня адресована девочке, то она оказывается замечательной мастерицей и хозяйкой богатого чума. Но прекрасному будущему детей посвящены не все песни *нюкубц*, также распространены песни, которые созданы по следам какого-то события в жизни малыша или описывают его характерные черты и привычки.

Цобту' нэй мантанив-эй,
Олекора мантнив-эй.
Тэтакочаров нив'наңэй.
Сэр яхантов нарка ервэй!
Сэр яхантов нарка тэтов.
Выдукадэй нэсянганей
Тунгусей" тет тобов,
Маңгханей выдуяңэй.
Олеков мантанивэй,
Неняңгарэй мантнивэй!²

Вот послушайте³,
Как Олеко Ненянг
Поет свою песенку:
Любимец семьи,
Живу на Соленой речке,
Ее хозяин я.
Ничего, что однажды
Под нарты упал я.
Но выжил Ненянг
И растет веселым парнем,
Послушным сыном растет!⁴

¹ Собирателями фольклора, принадлежащими к национальной интеллигенции, в частности Л.П. Ненянг и В.Н. и С.Н. Няруй.

² Олеко Ненянг нюкубц (Детская песня Сергея Прокопьевича Комарова).

³ Здесь и далее текст на ненецком дается в орфографии источника. Переводы также повторяют авторские переводы каждой песни из приводимых источников. Необходимо помнить, что авторские поэтические переводы не всегда в точности передают все нюансы оригинального текста.

⁴ *Ненянг Л.П.* Песни над белым безмолвием: взрослые личные и детские песни нюкубц таймырских ненцев на русском и ненецком языках. Красноярск, 2006. С. 20–21.

Название жанра, вероятно, происходит от глагола *нюкуць*⁵ (ласкать⁶) – считается, что песни имеют соответствующее название содержание (см.: [Добжанская 2017b; Раздымаха 2020]): как отметила во время интервью одна из моих собеседниц, *нюкубц* поется тому ребенку, которого любишь (Инф-С5).

Песня *нюкубц* индивидуальна, она может принадлежать лишь одному ребенку и исполняется только для него. Среди прочего, эта принадлежность песни одному человеку роднит жанр *нюкубц* с жанром личных песен, который распространен у многих народов Сибири [Шейкин 2002, с. 261–263]. Так, этномузыковед О.Э. Добжанская определяет *нюкубц* именно через жанр личных песен: «Это детская личная песня, песня-ласкание, песня-пожелание» [Добжанская 2017b, с. 577]. Отношение *нюкубцев* к жанру личных песен отмечают и другие исследователи (в частности, см.: [Шейкин 2002; Скворцова 1997; Niemi 1999]), а в качестве синонима к названию жанра *нюкубц* часто используется обозначение «детская личная песня», ставящее эти песни в один ряд с песнями «родительского» жанра.

Исследователи выделяют некоторые признаки личных песен, которые оказываются характерными также и для *нюкубцев*. И тем и другим, в частности, свойственны импровизационность текста; принадлежность песни одному человеку; ограничения исполнения песни в присутствии ее автора или «хозяина»; выражение в песне особых личных характеристик этого человека или связанных с ним locus и событий [Шейкин 2002; Добжанская 2017a; Добжанская 2017b, Скворцова 1997; Пушкарева 2001; Niemi 1999].

Несмотря на специфические особенности бытования песен *нюкубц* и их прямую связь с личными песнями, они продолжают восприниматься многими как колыбельные песни ненецкой традиции. Такое прямое сопоставление, как кажется, может быть основано на описательных работах ненецких писательниц и собирательниц взрослых и детских личных песен, в которых названия этих жанров синонимичны и взаимозаменяемы. В.Н. Няруй в одной из своих работ так описывает ненецкие колыбельные песни: «Колыбельные песни тундры – это короткие, но самостоятельные песни-импровизации, в которых слова и мелодии могут изменяться в зависимости от разных жизненных обстоятельств»⁷. Это описание соответствует жанру *нюкубц*, однако В.Н. Няруй называет

⁵ *Нюкуць* – ласкать (человека) (Ненецко-русский словарь / сост. Н.М. Терещенко. 2-е изд. СПб.: Просвещение, 2003. С. 329).

⁶ В качестве синонима слову *нюкубц* мои собеседники часто использовали обозначение «ласкательная песенка» (ПМА 2022; ПМА 2023).

⁷ Няруй С.Н., Няруй В.Н. Ненецкая песня: методическое пособие: В 2 ч. Ч. 1. Салехард, 1993. С. 10.

такие песни «колыбельными» тундры. Схожее сопоставление прослеживается и в работах Л.П. Ненянг. В одной из подробных предваряющих статей к сборнику песен она отмечает: «*Детская личная песня* сопровождает ребенка до его совершеннолетия. Человек вырос, его *колыбельная песня*⁸ становится произведением фольклора, сам же он, став взрослым, для себя сочиняет уже взрослую личную песню»⁹. Вслед за В.Н. Няруй и Л.П. Ненянг, смешение песен *нюкубц* и колыбельных последовало и в исследовательские работы¹⁰. Однако насколько обоснованным оказывается такое сопоставление жанров, еще не было исследовано. В данной работе я постараюсь обозначить, соответствует ли функциональному полю жанра *нюкубц* его сопоставление с жанром колыбельной песни русской традиции и можно ли благодаря этой постулируемой синонимии проследить жанровые особенности песен *нюкубц*.

Для того чтобы иметь возможность выделить функции песен *нюкубц*, мной был собран корпус, основой которого стали публикации этих песен в сборниках собирателей ненецкого песенного фольклора Л.П. Ненянг¹¹, В.Н. Няруй и С.Н. Няруй¹². Большая часть песен была ими записана в собственных полевых поездках. Кроме того, часть песен была найдена в источниках другого рода (в книгах, авторских сборниках и газетах)¹³, а также несколько

⁸ Курсив мой. – М. Б.

⁹ *Ненянг Л.П.* Пою о тундре. Хой' сё' мэнгадм': Ненецкие песни. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1988. С. 3.

¹⁰ Если точнее, оно прослеживается в статье С.Е. Раздымахи, посвященной материнскому фольклору ненцев: «Как же рождались колыбельные песни *нюкубц* у ненцев?» [Раздымаха 2020, с. 73]. Такой перенос жанрового обозначения из русской традиции в ненецкую может быть связан с общей для коренных народов проблемой прямого «перевода» жанров в рамках жанровой системы русской традиции, без уточнения функционального поля и других жанровых особенностей индигенных текстов. О проблеме различий между индигенными и русской жанровыми системами см., в частности: [Новик 2019].

¹¹ *Ненянг Л.П.* Ненецкие песни / сост. Л. Масленников. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1985. 33 с.; *Она же.* Пою о тундре...; *Она же.* Песни над белым безмолвием...

¹² *Няруй С.Н., Няруй В.Н.* Ненецкая песня...; *Няруй С.Н.* Праздник тундры: Сборник песен. М.: Дижена, 1995. 97 с.; Старинные и современные ненецкие песни в обработке Семена Няруя / сост. Ю. Юнкеров. Салехард: СПЭЙБ, 1997. 44 с.; *Няруй В.Н., Няруй С.Н.* Колыбельная для тундровичка: Ебцотако нюкубц; сборник песен. СПб.: Просвещение, 2001. 31 с.

¹³ *Лар Т.Н.* Нети сё = Песни Нети: сборник песен / сост. Ю. Юнкеров. Салехард: СПЭЙБ, 2012. 56 с.; *Сусой Е.Г.* Из глубины веков. Тюмень: Ин-т

фрагментов песен мне удалось записать во время полевой работы (ПМА 2022; ПМА 2023). Составленный мной корпус сегодня состоит из 77 песен, если включать варианты произведений, различающиеся от источника к источнику (и из 56 песен без таких вариантов). Корпус двуязычен – каждый оригинальный текст на ненецком языке снабжен как авторским переводом на русский язык, взятым из того же сборника, так и подстрочным переводом, на котором построено анализ текстов.

В дополнение к самим текстам песен в рамках полевой работы собирался и контекст их исполнения. Полевая работа проходила в 2022 и 2023 гг. в нескольких подмосковных городах (Кашира, Звенигород, Серпухов) и в Салехарде, где мне удалось пообщаться с представителями разных поколений (от 18 до 60 лет) и уроженцами разных мест (от Сеяхинской тундры до Салехарда¹⁴).

Кроме того, для исследования контекста бытования песен *нюкубц* были использованы немногочисленные исследовательские работы [Добжанская 2017b; Раздымаха 2020], а также описательные работы¹⁵, в части которых, как уже отмечалось выше, песни *нюкубц* представлены как эквивалент колыбельных песен. Функциональное поле песен *нюкубц* рассматривалось с опорой на работу В.В. Головина, посвященную колыбельным песням русской традиции [Головин 2000].

В своей статье О.Э. Добжанская на материале детских песен таймырских ненцев обозначила разделение песен на колыбельные напевы (*нґацекеы шё / нґацецы нюкубц*) и детские личные песни (*нюкубц*), отмечая их различие не только в прагматическом плане, но и в музыкальном [Добжанская 2017b]. С.Е. Раздымаха в работе рассматривала жанр *нюкубц* в контексте других жанров ненецкого материнского фольклора и их способность транслировать гендерные стереотипы.

Нюкубцы исполняются в рамках коммуникации с ребенком, в качестве одной из форм обращения к нему. Их поют, чтобы под-

проблем освоения Севера СО РАН, 1994. 173 с.; *Турутина П.Г.* Детские личные песни // Личные песни лесных ненцев Пуровского района. URL: <https://lit89.ru/upload/iblock/8e1/gvbp4fr7thkx2tqrpyzftkpvqmb305o3.pdf?ysclid=lfu7p5kip204940308> (дата обращения 15 октября 2023).

¹⁴ Подробнее см. в списке информантов в конце статьи.

¹⁵ Часть песенных сборников снабжена подробными вступительными статьями с описанием некоторых песен и жанров, к которым они принадлежат. Для данной работы я использовала такие статьи из указанных выше сборников: *Няруй С.Н., Няруй В.Н.* Ненецкая песня...; *Они же.* Колыбельная для тундровичка, описания из книги Е.Г. Сусой «Из глубины веков», а также описательную статью В.Н. Няруй [Няруй 2014].

бодрить ребенка, расшевелить и развеселить или чтобы успокоить, укачать, в связи с чем прослеживается сходство с функциями материнского фольклора для детей младшего возраста.

На мой взгляд, для песен *нюкубц* характерны как функции, пересекающиеся с теми, которые выделил В.В. Головин для колыбельных песен русской традиции, так и функции, свойственные непосредственно этому ненецкому жанру. По моим полевым данным и материалам собранного корпуса, к функциям песен *нюкубц* можно отнести следующие: ласкательную, эпистемологическую, охранительную, прогностическую и функцию усыпления¹⁶.

Ласкательная функция

Для колыбельных песен функцией, во многом определяющей жанр, является функция усыпления. Для песен *нюкубц* таковой можно назвать ласкательную функцию. Именно в связи с ней жанр получил свое название (*нюкубц* – «ласкательные песенки») и воспринимается в традиции соответствующим образом: о песнях говорят как о хвалебных, нежных и ласкательных (ПМА 2022; ПМА 2023).

Песни *нюкубц* исполняются в рамках общения с ребенком: когда его хотят порадовать, приободрить, поприветствовать или выразить свою любовь и нежность:

Вот сидит он, играет, и ты смотришь на него, какой он чудной, сидишь и поешь ему песню. «Вот у меня пупсик такой классный, как он играет». И вот поется песня для такого ребенка, а не просто, там, уложить спать. Других, там, всяких магических свойств у этих песен нет. Вот: «Какой у меня пупсик хороший, чтобы ты дальше таким был» [Инф-С5].

В связи с ласкательной функцией определяется и период исполнения песен – их поют весь детский возраст. Исполнять их взрослым людям не принято¹⁷, а подростки, услышав свою детскую песню, очень смущаются (ПМА 2022, 2023). Ограничение ситуаций исполнения, как кажется, тоже выводится из

¹⁶ Для обозначения части функций (эпистемологической, охранительной, прогностической, усыпления) я использую терминологию В.В. Головина [Головин 2000].

¹⁷ Тем не менее несколько моих собеседниц отмечали, что в интимной обстановке родитель может исполнить *нюкубц* своему ребенку и во взрослом возрасте, импровизируя текст под конкретные обстоятельства.

этой функции – песни исполняются во время «прилива чувств» к ребенку, и присутствие адресата песни в такой ситуации совершенно необязательно, песню можно исполнить и в одиночестве (ПМА 2022, 2023).

Кроме того, в связи с этой функцией ограничивается и круг лиц, которые могут исполнить ребенку его *нюкубц* – как уже отмечалось выше, мои собеседники указывали на то, что люди, которые незнакомы с ребенком или знакомы поверхностно, не знают его характера и привычек, не могут исполнять его *нюкубц* (ПМА 2022; ПМА 2023). Часто посторонние или малознакомые люди не могут даже услышать *нюкубц* ребенка, поскольку их исполнение предполагает близкие отношения всех присутствующих (ПМА 2022; ПМА 2023). Таким образом, исполнение *нюкубца* маркирует близкие, внутрисемейные отношения и интимную, домашнюю обстановку.

В контексте ласкательной функции важно отметить также и *нюкубцы*, которые создаются для любимых питомцев (также «детского возраста»): ручных оленят, щенят. Подобные *нюкубцы* создаются как взрослыми, так и самими детьми по основным правилам жанра и связаны обычно именно с выражением нежности к конкретному питомцу, в отличие от песен для детей, имеющих и другие важные функции (ПМА 2022).

Использование жанра *нюкубц* в качестве способа выразить адресованную любовь и нежность может говорить о том, что эти песни принимают черты речевой стратегии. На признаки, позволяющие обозначить песню как речевую стратегию, обратила внимание С.О. Куприянова для жанра колыбельных песен русской традиции: «Направленность на младенца, выделенность в потоке речи за счет особой интонации, ритма или определенных напевов, на которые могут накладываться “свои слова”» [Куприянова 2022, с. 82].

Все эти признаки свойственны и песням *нюкубц*. Кроме того, стоит добавить, что и колыбельные русской традиции, и *нюкубцы* существуют в интертекстуальном поле конструирования дискурса, в котором не только участвуют агенты отдельного акта коммуникации (такие как, например, мать и ребенок), но также задействовано множество факторов, которые, в свою очередь, формируют реплики и реакции его участников. Среди таких факторов можно назвать конкретное историческое время, в которое происходит коммуникация, предыдущая и последующая (возможная) коммуникации этих участников, отношения между ними и общий культурный контекст. В рамках речевой стратегии *нюкубцы*, в дополнение к выделенным признакам, будут иметь конкретную цель, которая также будет влиять на формирование каждой

реплики. Целью исполнения *нюкубца* может быть успокоение, усыпление ребенка или, наоборот, подбадривание или выражение любви и заботы, а также комментирование его поведения (ПМА 2022; ПМА 2023). Таким образом, каждое адресное «выражение любви», заботы и внимания с помощью исполнения *нюкубца* для ребенка будет сформировано и общим культурным контекстом, в котором *нюкубцы* оказываются знаком нежности по отношению к ребенку, и конкретной ситуацией исполнения – ее участниками (исполнителями, наблюдателями, «получателем»), взаимоотношениями между ними, конкретной целью исполнения, предыдущими ситуациями исполнения и реакциями ребенка на них.

Функция усыпления

Для колыбельных песен русской традиции именно эта функция является основной – без необходимости уложить ребенка спать ему не будут петь колыбельную. Кроме того, колыбельные песни обычно поют младенцам [Головин 2000]. Однако не ограничения в периоде исполнения колыбельных, которые не сходятся с ограничениями для песен *нюкубцы*, возмущала многих моих собеседников, когда речь заходила о сопоставлении колыбельных с *нюкубцами*. Несопоставимым им казалось именно различие в целях – направленность колыбельных на успокоение ребенка, на подготовку его ко сну не сходилась с тем, для чего, по их мнению, исполняется *нюкубцы*. Часть моих собеседников отрицала даже возможность исполнить засыпающему ребенку *нюкубцы*, поскольку он может его, наоборот, разбудить и раззадорить, ведь большинству *нюкубцев*¹⁸ свойствен энергичный напев и слова восхваления, характерные для жанра, могут действовать так же – вместо успокоения будут мешать ему уснуть. Однако часть моих собеседников все же соглашались, что, если у конкретной песни *нюкубцы* достаточно протяжный напев и «успокаивающий» смысл, ее можно петь и во время убаюкивания (ПМА 2022; ПМА 2023).

К тому же важно помнить, что *нюкубцы* для ребенка могут создаваться и «по случаю», а количество *нюкубцев* для одного ребенка не ограничено. В связи с этим можно предположить, что создание *нюкубца* непосредственно для ситуации убаюкивания вполне могло бы иметь место. В собранном мной корпусе есть несколько песен *нюкубцы*, в текстах которых встречаются элементы утверждения или призыва сна, что также может указывать¹⁹ на ситуацию их исполнения.

¹⁸ По мнению моих собеседников.

¹⁹ Контекст их исполнения, к сожалению, неизвестен.

Хов, хов, хонёёв,
 Вакоцёв хонёёв,
 Хов, хов, хэёв
 Нацярэй хэёв,
 Хов, хов, хэёв
 Ёрманзей Хэёв.
 Хов, хов, тутнов
 Нацярэй тутнов,
 Хов, хов, танов
 Халяковм' татнов²⁰.

Хов, хов, пусть поспит,
 Ваконька пусть поспит.
 Хов, хов, пусть пойдет,
 Папа твой пойдет
 Хов, хов, пусть пойдет
 На рыбалку пусть пойдет,
 Хов, хов, придет,
 Твой отец придет,
 Хов, хов, принесет,
 Рыбку принесет²¹.

Для утверждения или призыва сна в песнях используются следующие формулы: 1) имя + утверждение сна (как в примере выше: *Вакоцёв хонёёв*); 2) призыв персонажа Ёэмунози²², свойственный авторским песням (*Ёэмунозикоцёв, мераркарка' ту'мов*²³ – Ёэмунози, приходи скорее²⁴); и 3) описательная отсылка к ребенку + утверждение сна (*Пук ямбкоми, нюкцями, хонёя*²⁵ – Длинноногая моя, детка моя, засыпай²⁶).

Охранительная функция

Относительно колыбельной песни русской традиции В.В. Головин отмечал, что «вследствие специфического состояния младенца и его статуса в восприятии носителей традиционного сознания, колыбельная песня, как и всякий текст ритуала вокруг ребенка, не может обойти охранительную функцию» [Головин 2000, с. 67]. Эта функция также свойственна и *нюкубцам*.

Несколько моих собеседников сравнивали песни *нюкубц* с оберегом, амулетом, который охраняет человека на протяжении всей жизни:

А колыбельная²⁷ вообще несет такую роль, как, самую главную, – это оберег, да, что ли, со стороны матери к своему малышу <...> это слово,

²⁰ Песня Вако.

²¹ *Няруй С.Н., Няруй В.Н.* Ненецкая песня. С. 16.

²² Ёэмунози – иносказ. сон; *хонад, Ёэмунози тута* – ложись спать, Ёэмунози придет (Ненецко-русский словарь. С. 420).

²³ Фрагмент из песни «Недакоця не нямна нэда сё» (колыбельная для Недако), слова и напев Т. Лар.

²⁴ *Лар Т.Н.* Нети сё = Песни Нети... С. 36–37.

²⁵ Фрагмент из песни «Пук Ямбкоми», слова и напев Н. Яптунай.

²⁶ *Няруй В.Н., Няруй С.Н.* Колыбельная для тундровичка. С. 14.

²⁷ Имеется в виду *нюкубц*.

это оберег, это печать, это, можно сказать, тот же самый крестик, амулет (Инф-СЗ).

При этом колыбельная, она же еще и как песня-оберег, которая защищает от негативной энергии, злых духов, от чего хочешь <смеется> (Инф-К1).

Это восприятие *нюкубцев* не позволяло некоторым моим собеседникам исполнить собственные песни *нюкубц* или даже напеть их мелодии.

Охранительная функция может проявляться и иначе. Например, посредством обозначения принадлежности, что также отмечал В.В. Головин для колыбельной песни русской традиции: «Постоянное использование притяжательного местоимения “мой”, которое имеет “подсознательный” охранный смысл (мой – не чужой)» [Головин 2000, с. 69]. Для ненецкого фольклора в целом, как и для песен *нюкубц* в частности тема принадлежности героя пока не исследована, однако почти в каждом *нюкубце* ребенок обозначается суффиксами принадлежности (которые в основном переводятся как «мой» или «наш»). В *нюкубце*, созданном Т.Н. Лар, прослеживается суффикс «ми» (мой):

Недакоця неңэй Ньюми' сава
нюми', Ньюми' вадёдана, Недэй
ңарамдана. Недакоця неңэйм'
Вадёдаваханда Ҙарка" я
Нумэй', Ньюми' лэтамбадэй.

Недакоця моя, хорошая дочь.
Она подрастет, она растёт.
А пока она растёт, пусть
Всемогущий Бог ее хранит²⁸.

Может ли обозначение принадлежности ребенка²⁹, выраженное с помощью суффикса «ми» или другим способом, выступать в качестве охранительного элемента, как это характерно для материнского фольклора русской традиции³⁰, еще предстоит исследовать.

В приведенном отрывке присутствует и другой охранительный элемент, отмечавшийся В.В. Головиным, – призыв помощника, защитника. В целом, как кажется³¹, *нюкубцам* не свойственен мотив призыва внешних помощников. Однако для колыбельных песен русской традиции этот мотив оказывается важным и довольно распространенным: в песнях часто обращаются

²⁸ Лар Т.Н. Неги сё = Песни Неги... С. 36–37.

²⁹ Обозначение принадлежности к говорящему может относиться лишь к особенностям системы эвиденциальности в ненецком языке.

³⁰ В частности, для колыбельной песни – по исследованию В.В. Головина.

³¹ На основе собранного мной корпуса песен.

к ангелам, Богородице или Богу с просьбой охранять малыша. Можно предположить, что в приведенном *нюкубце* прослеживается как раз влияние русской колыбельной традиции, вплетение ее образов, мотивов и функций в традицию создания и исполнения песен *нюкуби*. Сама создательница этого *нюкубца* в личной беседе отмечала его сходство с колыбельной песней.

В дополнение к вышеназванным проявлениям охранительной функции важно отметить еще одно. В песнях *нюкуби* часто декларируется уже взрослое состояние ребенка, его конкретные занятия, наличие жены или мужа, возможно, даже с указанием на его или ее род. Будущее ребенка не описывается «в вакууме» – его встраивают в систему взаимоотношений с соседями, с животными (промысловыми и собственными), включают в определенную местность, обычно вполне реальную и уже знакомую младенцу. В песнях могут приводиться описания конкретных локусов или их названия. К примеру, в *нюкубце* может присутствовать название реки, рядом с которой будет жить ребенок. Кроме того, могут появляться утверждения, что ребенок вернется в те места, где родился и вырос:

Портаей Салыханов
 Пыдар сояңансей,
 Портей салыханов
 Пыдар вадёңансей,
 Сяхари' нэбтаңодэй
 Пыдар тэвангунэй.
 Санаей ялёв' хадэй',
 Мерця выварңансей,
 Няръя нарка мя"мов",
 Яхад пангадановм',
 Нюкцякони' нэва' ни'
 Ниров" хавадаңгу"!
 Советанд ила' емнёв
 Маня" пёдавацей,
 Нюкэця' мандэйнидмэй' –
 Илма" савуманёв",
 Теда" ти хамэдадэй,
 Илма" нерня' миңов³².

В селении Нового Порта
 Ты родился,
 В Новом Порту ты подрастал,
 Когда-нибудь
 Приедешь сюда.
 Несколько дней подряд
 Как ветер буйствовал,
 Красный наш чум,
 К земле прикованный,
 На головку моего сыночка
 Не повалите.
 За лучшую жизнь
 Мы боролись.
 Сын мой, я тебе так скажу:
 «Жизнь наша легче стала,
 Ты сам посмотри вокруг,
 Жизнь движется вперед»³³.

Часть *нюкубцев* выглядят так, будто бы они будущие личные песни этих детей. *Нюкуби* такого типа создается по правилам

³² Слова и напев Н.Т. Няруя.

³³ Няруй С.Н., Няруй В.Н. Ненецкая песня... С. 24.

личных песен и исполняется от лица ребенка таким образом, словно он исполняет собственную песню, в которой описывает свою уже прошедшую жизнь. Подобная песня как бы является свидетельством того, что ребенок благополучно вырос и ведет взрослую успешную жизнь, таким образом реализуется защитная, охранительная функция песни.

Прогностическая функция

«...Есть вещие слова, которые, они... через какое-то время они сбываются» (Инф-СЗ).

В одной из своих статей В.Н. Няруй называет песни *нюкубц* «песнями надежды»³⁴, имея в виду вкладываемые в них создателями этих песен (часто матерями) детальные пожелания благополучного будущего для своего ребенка. Маленькому адресату песни часто желают вырасти успешным, богатым человеком, иметь много оленей, славиться красотой и добрым нравом. О песне *нюкубц* говорят как о «даре» ребенку, что может быть связано также и с этим вложенным благопожеланием.

Под благопожеланием понимается такой текст, который содержит «пожелание добра и ритуал его произнесения. Занимая пограничное положение между формами речевого этикета и заклинательно-магическими текстами, благопожелание регламентирует и взаимоотношения между людьми, и контакты человека со сверхъестественными силами, способными обеспечить благополучие»³⁵. Стоит разделить обыденную этикетную форму с выхолащенной семантикой (например, приветствия) и собственно заклинательный текст с магической целью воздействия на действительность. Благопожелания, включенные в колыбельные песни, и, судя по всему, также и в *нюкубцы*, относятся ко второй группе.

Грамматические конструкции, с помощью которых производится попытка влиять на действительность, описала С.М. Толстая. Они подразделяются на несколько типов: 1) конструкция с оптативной частицей «да» («пусть», «бы», «чтобы»); 2) форма повелительного наклонения предиката желаемого состояния (императив); 3) форма инфинитива; 4) форма прошедшего времени со значением уже совершенного желаемого действия или достигнутого состояния; 5) название желаемого блага без предиката или с подразумеваемым предикатом [Толстая 2021, с. 133–135].

³⁴ Няруй С.Н., Няруй В.Н. Ненецкая песня... С. 10.

³⁵ Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 188.

Важно отметить, что в *нюкубцах* часто появляются детали, с помощью которых описывается конкретный ребенок, – это могут быть как уже проявившиеся черты характера и привычки, так и особенности внешности. Кроме того, в *нюкубцах* могут появляться воспоминания о каком-то важном событии, произошедшем с адресатом песни. Таким событием может стать момент рождения ребенка, и тогда в песне может быть описано место и обстоятельства рождения или сезон, в который это произошло. Подобные биографические элементы встречаются, к примеру, в уже приводившейся выше песне, созданной Н.Т. Няруем для своего сына. В ней прослеживаются обстоятельства рождения ребенка – он появился на свет в штормовую погоду в красном чуме в поселке Новый Порт.

В песнях *нюкубц* не всегда легко отличить биографическое описание от описания будущего, поскольку и то и другое появляется в песне в форме описания события как уже произошедшего. Те качества или умения, состояние или события, которые желают ребенку, выражаются с помощью констатации. При этом в связи с принадлежностью песен *нюкубц* к жанру личных песен в них зачастую описаны обстоятельства рождения ребенка, свойства его характера или уникальные черты внешности. По этим деталям, как по своеобразному паспорту, можно практически безошибочно узнать, о каком ребенке сложена песня и кому адресованы все пожелания.

Следует также отметить, что, поскольку не всегда можно четко отделить пожелание какой-то, к примеру, черты характера или физической особенности от обозначения той, что в реальности присуща малышу³⁶, можно говорить о перформативности песен *нюкубц*: «...очень часто одно и то же предложение используется двояко – и перформативно, и констатино – в зависимости от различных ситуаций высказывания» [Остин 1986, с. 66].

Такая констатация будущего, по Дж. Остину, может оказать либо успешной, либо неуспешной, но никак не ложной или истинной: «В случае перформативного высказывания мы уделяем наибольшее внимание иллокутивной силе и отвлекаемся от того измерения, которое касается соответствия фактам» [Остин 1986, с. 116].

³⁶ В одной песне могут присутствовать как черты, в действительности свойственные ребенку (например, обозначение его как «маленького», «младшенького», «светленького»), так и те, которые ему желаются (к примеру, обозначение ребенка как «хозяина» и «богача»). Наиболее сложно разделить по категориям «реального» и «желаемого» описания отношения к ребенку (в *нюкубцах* встречаются обозначения ребенка как «любимого», «нужного»).

Пожелания будущего для детей разного пола могут различаться: среди пожеланий девочкам встречается «красота», «трудолюбие» и возможность стать хозяйкой богатого чума, в пожеланиях мальчикам также прослеживается трудолюбие, богатство (которое может состоять в оленях), успех в промысле.

Нядэнадо' хасавадо'
Хасавадо' нэва сэрай",
Сидя мадам', нарка мадам'
Хасавадо'сервией,
Ханяинэй пьанакэда?
Ертида нядангуда,
Хасавадо'пэдаваси"³⁷.

Нядэна-мальчик-мужчина
Светловолосый наш
Две большие кисы надел,
Наш мужчина обулся,
Куда же он собрался?
Рыбакам он поможет,
Он ведь трудолюбив,
Он молодец"³⁸.

Одной из черт внешности, часто описываемых в песнях *нюкуби*, является красота:

³⁷ Песня Нядэна // Няруй С.Н., Няруй В.Н. Ненецкая песня... С. 12.

³⁸ Важно отметить, что авторские переводы часто не отражают смысла, характерного для оригинальных текстов песен *нюкуби*. В сборнике В.Н. Няруй описывает эту песню так: «Сын Нядэна родился тогда, когда родители на время перешли на оседлый образ жизни. Отец вместе с другими рыбаками ловил неводом рыбу, мать занималась домашним хозяйством. Нядэна – это человек, “родившийся во время стоянки”» (*Няруй С.Н., Няруй В.Н. Ненецкая песня... С. 12*). Однако имя мальчика также может указывать на человека, осевшего и занимающегося промыслом из-за утраты оленей, то есть вынужденно. Именно олени в ненецкой традиции символизируют богатство (даже в приведенных песнях *нюкуби* можно проследить слово *тэта*, которое часто переводится на русский язык как «богатый», но обозначает «имеющий оленей»), а оседлость может указывать на бедность, неудачу или постигшую оленевода беду. При том что в песнях *нюкуби* часто встречаются пожелания богатства, «оленности», их нет в песне Нядэна – в ней обозначены его черты и пожелание трудолюбия («*Хасавадо' пэдаваси*» от слова *пэдава* – «1. послушный, исполнительный, неленивый (преимущественно о ребенке); 2. молодец». См.: Ненецко-русский словарь. С. 502). Кроме того, в переводе песни Нядэна не обозначена его бедность, которая прослеживается в оригинальном тексте. Указание же на биографический элемент – светлые волосы – может также маркировать его и как *хаби*, относящегося к родам хантыйского происхождения, которые часто были малооленными и были вынуждены промышлять рыболовством. За указание на особенности трактовки имени и окружающий его культурный контекст благодарю рецензента.

Малоей' манднгангов,
 Ноей едялахов.
 Сингэй' хэвхано-ов
 Сялейм' нгабтамбе-эй.
 Сюнс ней Малоей',
 Малоей' сядотов,
 Ноей едялахов.
 Пирця не Малоей',
 Сэр' не Малоей'.
 Ноей едялахов,
 Нярайяна ненгэй,
 Нелёкоця ненгэй³⁹.

Над чумом нежный голосок
 Напев выводит свой.
 А песня эта, чья она?
 Ее поет Неле Малой,
 Похожая на лоскуток
 Из красного сукна.
 Она пока мала, но срок
 Настанет, красотой
 Всех поразит она,
 Румянощекая Малой,
 Похожая на лоскуток
 Из красного сукна⁴⁰.

Причем пожелание красоты характерно для *нюкубцев* детей обоего пола:

Едэй Хасава,
 Пэдавов хасава,
 Сатаков хасавов,
 Мэбетов хасавов.
 Чёняковм хаданггу,
 Тэвасим хаданггу,
 Нохоком хаданггу,
 Хоркым хаданггу.
 Ненянггэй париков,
 Ненянггэй сядотов,
 Ненянггэй ерваков,
 Ненянггэй тэтаков⁴¹.

Едэй Хасава⁴² –
 Быстрый мальчик,
 Шустрый мальчик,
 Сильный мужичок.
 Он лисичку добудет,
 И зайца добудет,
 Добудет песка.
 И куропатку тоже.
 Чернявый Ненянг,
 Красивый Ненянг,
 Любимый Ненянг,
 Дорогой всем Ненянг⁴³.

³⁹ Детская личная песня Малой Нелё (Малой' Нелё нюкубц).

⁴⁰ *Ненянг Л.П.* Пою о тундре. С. 49–50.

⁴¹ Едэй Хасава нюкубс (Детская личная песенка Едэй Хасава).

⁴² *Ненянг Л.П.* Ненецкие песни. С. 17–18.

⁴³ Как упоминалось выше, авторские переводы неточны, в них часто прослеживается «вымывание» большей части культурного контекста, который присутствует в оригинальном тексте, а также включение текста в культурные рамки традиции, на язык которой совершается перевод (т. е. в данном случае русский). Так, в песне Едэй Хасава мальчик описывается как красивый («*Ненянггэй сядотов*»), черненый («*Ненянггэй париков*» от *пари*: «*цэбт пари* черноволосый; *цэва пари* – черноголовый; *сэв пари* – черноглазый»). См.: Ненецко-русский словарь. С. 447), богач («*Ненянггэй тэтаков*» от *тэта* – «1. имеющий оленей; 2. *уст.* богач-оленовод, кулак, оленщик»). См.: Ненецко-русский словарь. С. 692),

Столь же распространено пожелание богатства и успеха:

Мань тэхэбини	Олени мои всех оленей быстрее и сильнее.
Икудо' севолма,	Руками двумя, да и то не обхватишь их шеи.
Хэбиду' ядалма.	Бока у оленей широкого шага длинней,
Мань тэхэбини,	Люблю я оленей.
Мань авкыни	И ездить на них я умею.
Тэхэт мерета",	Но это я все про оленей сказала.
Тэхэт' мэбета".	А вот – я сама.
Ольне сядонга,	Как все говорят,
Ольне пэдава.	Может быть, повторять и негоже:
Нгадьдяко	«Красавица Ольне, веселая Ольне.
Сатакоця не ⁴⁴ .	Ума смышленого.
	Да и во всем остальном она,
	Ольне, пригожа... ⁴⁵ »

В связи с благопожелательным характером некоторых песен *нюкубц* довольно любопытным кажется «укоренение» возможного будущего ребенка через вписывание его в уже существующие отношения (с людьми, животными) и в существующие локусы, к которым ребенок уже имеет или будет иметь отношение:

хозяин («*Ненянггэй ерваков*» от *ерв* – «1) хозяин; 2) начальник, командир; 3) *уст.* чиновник; 4) *миф.* дух-хозяин». См.: Ненецко-русский словарь. С. 103), трудолюбивый («*Пэдавов хасавы*») и сильный («*Сатаков хасавов*»), тогда как в авторском переводе на русский язык он описан как «чернявый», «красивый», «любимый» и «дорогой всем».

⁴⁴ Детская личная песня Малой Ольне (Малой' Ольне нюкубц) // Ненянг Л.П. Пою о тундре. С. 55–56.

⁴⁵ Для песен *нюкубц* важно гендерное разграничение, которое выражается в пожеланиях будущего (детям разного пола желают в будущем успеха в разных занятиях и удачи в разных сферах жизни), однако черты характера или особенности поведения у мальчиков и у девочек могут выражаться одними и теми же словами. Как, например, в песнях Едеэй Хасавы (выше) и Малой Ольне дети описаны словами «*сата*» («*сата* – «1) сильный, крепкий; 2) ловкий, быстрый, проворный; 3) резкий, громкий – о звуке; 4) свирепый, лютый – о морозе; 5) строгий». См.: Ненецко-русский словарь. С. 537: «*Сатаков хасавов*» и «*Сатакоця не*») и «*пэдава*» (трудолюбивый: «*Пэдавов хасавов*» и «*Ольне пэдава*»). Однако в переводах эти слова переданы по-разному для детей разного пола, и девочка Ольне описывается лишь как «красавица» («*Ольне сядонга*» от *сядота* – «1. красивый – о лице); 2. красавец». См.: Ненецко-русский словарь. С. 596) и «пригожа». Я хотела бы выразить благодарность рецензенту за то, что он обратил мое внимание на эту любопытную особенность авторских переводов.

Широкой Малов,
 Широкой тэтов,
 Широкой ервэй.
 Нгавнахавандов,
 Нгавнахавандов
 Нгарка ен сянгэй
 Сид' ёта серэй
 Санго моёпатов,
 Широкой тэтов,
 Широкой Малов,
 Понггам' пядринггу,
 Халям' хадаринггу.
 Тики манзаида
 Ёльчехаданда,
 Мара Саля нингэй
 Юрм' сембядатовм'
 Хамчадтенггов.
 Есям' сахалтангов",
 Халям' сахалтангов,
 Юрм' сембядатовм'
 Техэй яхандов
 Сюрормахадандов,
 Илебтям' яданггов,
 хораковм' хаданггов.
 Янгготям' мяранггу,
 Нохоком' хаданггу,
 Тэвасим' хаданггу.
 Широкой тэтов
 Тикадов нганивэй⁴⁶.

Хозяин широкой протоки он – Сюрня
 Мало.
 Он сети не раз еще ставить здесь будет.
 Всегда на большие уловы ему везло –
 Мало и сегодня здесь рыбки добудет.
 Со ста поплавками сегодня свой невод
 возьмет,
 На длинной косе, где всегда он рыбачит,
 Тем неводом рыбу уверенно зачерпнет
 И будет он рад, как обычно, удаче.
 А стужа наступит, покроется льдом вся
 река –
 До новой путины свой невод уложит,
 На диких оленей охотиться будет пока,
 Капканы на зайца поставить он может.
 Хозяин широкой протоки он – Мало
 Сюрня.
 Здесь вырос Мало. И здесь он
 промышляет,
 Хозяином здесь называют Мало не зря:
 Рыбак и охотник он – все это знают⁴⁷.

В этом разделе кажется важным отметить также и то, как относятся некоторые мои (взрослые) собеседники к собственным песням *нюкубц* – для них это песни, которые сбылись. Некоторые из них удивлены, что их мама (создательница *нюкубца*) каким-то образом знала о том, какая их ждет судьба: «Как она могла знать?!» [Инф-С6]. Некоторые констатировали, что для многих их родственников жизнь сложилась именно так, как было описано в их *нюкубце* (ПМА 2022)⁴⁸.

⁴⁶ Детская личная песня Мало Сюрни (Мало Сюрня нюкубц).

⁴⁷ *Неянг Л.П.* Пою о тундре. С. 61–62.

⁴⁸ Такую же уверенность в связи судьбы человека и его песни *нюкубц* можно проследить и в некоторых описательных работах, посвященных этому ненецкому жанру. В частности, см.: *Няруй С.Н., Няруй В.Н.* Ненецкая песня...

Эпистемологическая функция

Педагогическую функцию для таких жанров материнского фольклора, как колыбельные песни, пестушки и потешки, выделяли многие исследователи [Виноградов 2009; Мартынова 1997; Головин 2000]. В.В. Головин, в частности, в отношении колыбельных отмечал, что это «не утилитарный жанр, социализирующий личность, а жанр, через который происходит стихийное включение в культуру» [Головин 2000, с. 180]. Песни *нюкубц* начинают исполнять ребенку с довольно юного возраста, в связи с этим можно предположить, что с их помощью оказывается то же воздействие, включающее ребенка в культурный контекст, который отмечал В.В. Головин для колыбельных песен.

Для русских колыбельных песен эпистемологическая функция проявляется через четыре группы категорий, описанные В.В. Головиным [Головин 2000]. Среди них можно назвать, во-первых, категории пространства и времени, к которым относятся обозначения базовых для младенца пространственных и временных точек и «комплексов» и которые вводят ребенка в «систему мифологического пространства». Во-вторых, в колыбельных появляются категории «своего» и «чужого» пространства, очерчиваются границы между ними и обозначается опасность одних и безопасность других. В-третьих, жанру свойственно обозначение категорий рода и семьи, которые относятся к «своим», к защитникам, в отличие от «чужих» или вредителей. И наконец, в колыбельных появляются категории жизни и смерти. Это разделение не вполне свойственно песням *нюкубц* из собранного мной корпуса. Категории жизни и смерти мне не встретились вовсе. Разделение на «свое» и «чужое» пространство встречается, но не в таком виде, какой характерен для колыбельных песен – в *нюкубцах* появляются локусы, как бы «закрепленные» за конкретными детьми, посредством которых, возможно, обозначается принадлежность ребенка к определенному роду или описывается биография ребенка. Однако маркирование пространства через полюсы «опасного /безопасного», на мой взгляд, нехарактерно для жанра. Особенно важной для *нюкубца* оказывается категория рода и семьи, которая часто встречается в песнях, но для ненецкой традиции она несет скорее обозначение принадлежности к конкретному роду. В дополнение к категориям, выделенным В.В. Головиным для колыбельных русской традиции, в *нюкубцах* также прослеживается категория обозначения пола адресата (и персонажа) песни.

Для ненецкой традиции обозначение пола – довольно важный элемент, который, по мнению С.Е. Раздымахи, через актуализацию (в частности, в песнях *нюкубц*) может транслировать гендерные

стереотипы [Раздымаха 2020; Сэрпиво 2016]. *Нюкубцам* действительно свойственно гендерное разделение. От того, какого пола ребенок, будет зависеть и характер того благопожелания, которое будет вложено в его *нюкубц*.

В дополнение к уже отмеченным педагогическим возможностям песен *нюкубц* некоторые мои собеседницы отмечали, что с помощью *нюкубца* родители могут показывать детям, как себя вести не следует, а также могут ругать ребенка или советовать, как лучше себя вести в похожих ситуациях. Все эти советы могут быть оформлены в песню *нюкубц*, созданную импровизационно в рамках конкретной коммуникативной ситуации (ПМА 2022).

Таким образом, жанр *нюкубц* и жанр колыбельной песни русской традиции обладает рядом схожих функций, в частности охранительной, эпистемологической и прогностической. Однако в контексте бытования песен *нюкубц* важно помнить, что их уже ставшее привычным приравнение к колыбельным песням русской традиции кажется не соответствующим действительности, поскольку основная для русских колыбельных песен функция усыпления оказывается для *нюкубцев* скорее побочной, проявляющейся только ситуативно и в связи с характеристиками конкретной песни.

Важнейшей для песен *нюкубц* функцией является ласкательная: она ограничивает и ситуации исполнения этих песен, и круг людей, которые могут их исполнять. Кроме того, *нюкубцы* могут петься и для взрослого уже человека – те же родители, ближайшие родственники и старшие братья и сестры, которые пели ему *нюкубц* в детстве, могут спеть его детскую песню и во взрослом состоянии, чтобы выразить свои чувства по отношению к нему, что кажется невозможным в рамках жанра колыбельной песни.

Благодарности

За помощь в уточнении некоторых неизвестных мне деталей ненецкой традиции и за прояснения контекста исполнения песен *нюкубц* благодарю Елену Тимофеевну Пушкареву.

Acknowledgments

I thank Elena Timofeevna Pushkareva for help in clarifying some unknown details of the Nenets tradition and for clarifying the context of the performance of Nyukubts songs.

Список информантов

- Инф-С3 – м., 1983 г. р. Зап. М. Белодедова, 2022.
Инф-С5 – ж., 1993 г. р., Ямальский район. Зап. М. Белодедова, 2022.
Инф-С6 – м., 1971 г. р., Ямальский район. Зап. М. Белодедова, 2022.
Инф-К1 – м., 1992 г. р. Зап. М. Белодедова, 2022.

Список сокращений

- ПМА 2022 – интервью и наблюдения, проведенные автором в г. Кашире и г. Салехарде в 2022 г.
ПМА 2023 – интервью и наблюдения, проведенные автором в г. Серпухове и г. Звенигороде в 2023 г.

Литература

- Виноградов 2009 – *Виноградов Г.С.* Этнография детства и русская народная культура в Сибири. М.: Восточная литература, 2009. 894 с.
Головин 2000 – *Головин В.В.* Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Турку: Åbo Akademi University Press, 2000. 451 с.
Добжанская 2017а – *Добжанская О.Э.* Личные песни тундровых ненцев Таймыра // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 2В. С. 565–575.
Добжанская 2017б – *Добжанская О.Э.* Ньюкубц – жанр детской песни в музыкальном фольклоре таймырских ненцев // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 2В. С. 576–584.
Куприянова 2022 – *Куприянова С.О.* Убаюкивание как культурная практика, или О волчке на краю. СПб.: Пропповский центр, 2022. 288 с.
Мартынова 1997 – *Мартынова А.Н.* Детский поэтический фольклор: Антология. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 577 с.
Новик 2019 – *Новик Е.С.* К типологии жанров несказочной прозы Сибири и Дальнего Востока // Миф и ритуал народов Сибири: избранные статьи. М.: РГГУ, 2019. С. 52–66.
Няруй 2014 – *Няруй В.Н.* О духовной силе колыбельных мелодий ненцев // Исследования по культуре ненцев / отв. ред. Н.В. Лукина. СПб.: Историческая иллюстрация, 2014. С. 256–264.
Остин 1986 – *Остин Дж.Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17: Теория речевых актов / сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой, В.З. Демьянкова. М.: Прогресс, 1986. С. 22–130.
Пушкарева 2001 – *Пушкарева Е.Т.* Специфика жанров фольклора ненцев и их исполнительские традиции // Фольклор ненцев / сост. Е.Т. Пушкарева, Л.В. Хомич. Новосибирск: Наука, 2001. С. 23–49.

- Раздымаха 2020 – *Раздымаха С.Е.* Особенности материнского фольклора ненцев и его роль в воспитании ребенка // *Культура и цивилизация*. 2020. Т. 10. № 3А. С. 70–75.
- Скворцова 1997 – *Скворцова Н.М.* Ненцы // *Музыкальная культура Сибири*. Т. 1: Традиционная музыкальная культура народов Сибири. Кн. 1: Традиционная культура коренных народов Сибири / гл. ред. Б.А. Шиндин. Новосибирск: Новосибирская государственная консерватория им. М.И. Глинки, 1997. С. 62–86.
- Сэрпиво 2016 – *Сэрпиво С.Е.* Женское пространство в культуре ненцев. СПб.: Историческая иллюстрация, 2016. 152 с.
- Толстая 2021 – *Толстая С.М.* Благопожелание: семантика и грамматика // *Фольклор: структура, типология, семиотика*. 2021. Т. 4. № 1. С. 131–137.
- Шейкин 2002 – *Шейкин Ю.И.* История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. М.: Восточная литература, 2002. 718 с.
- Niemi 1999 – *Niemi J.* The genres of Nenets songs // *Asian music*. Autumn 1998 – winter 1999. Vol. 30. No. 1. P. 77–132.

References

- Austin, J.L. (1986), “Word as action”, in Kobozeva, I.M. and Demyankov, V.Z., comps., *Novoe v zarubezhnou lingvistike* [New in foreign linguistics], iss. 17, Progress, Moscow, USSR, pp. 22–130.
- Golovin, V.V. (2000), *Russkaya kolybel'naya pesnya v fol'klore i literature* [Russian lullaby song in folklore and literature], Åbo Akademi University Press, Turku, Finland.
- Dobzhanskaya, O.E. (2017), “Personal songs of tundra Nenets of Taimyr”, *Culture and Civilization*, vol. 7, no. 2B, pp. 565–575.
- Dobzhanskaya, O.E. (2017), “Nyukubts is a genre of children’s song in the musical folklore of the Taymyr Nenets”, *Culture and Civilization*, vol. 7, no. 2B, pp. 576–584.
- Kupriyanova, S.O. (2022), *Ubayukivanie kak kul’turnaya praktika, ili O volchke na krayu* [Lulling as a cultural practice, or About the wolf on the edge], Proppovskiy tsentr, Saint Petersburg, Russia.
- Martynova, A.N. (1997), *Detskii poeticheskii fol'klor: Antologiya* [Children’s poetic folklore: Anthology], Dmitry Bulanin, Saint Petersburg, Russia.
- Niemi, J. (1999), “The genres of Nenets songs”, *Asian Music*, vol. 30, no. 1, pp. 77–132.
- Novik, E.S. (2019), “Towards a typology of genres of non-fairy tale prose in Siberia and the Far East”, in Novik, E.S., *Mif i ritual narodov Sibiri: izbrannye stat’i* [Myth and ritual of the peoples of Siberia: selected articles], RGGU, Moscow, Russia.

- Nyarui, V.N. (2014), "On the spiritual power of the Nenets' lullaby melodies", in Lukina, N.V., ed., *Issledovaniya po kul'ture nentsev* [Studies on the culture of the Nenets], Istoricheskaja illustratsiya, Saint Petersburg, Russia, pp. 256–264.
- Pushkareva, E.T. (2001), "Specifics of Nenets folklore genres and their performing traditions", in Pushkareva, E.T. and Khomich, L.V., eds., *Fol'klor nentsev* [Nenets folklore], Nauka, Novosibirsk, Russia, pp. 23–49.
- Razdymakha, S.E. (2020), "Peculiarities of Nenets maternal folklore and its role in child rearing", *Culture and Civilization*, vol. 10, no. 3A, pp. 70–75.
- Skvortsova, N.M. (1997), "Nenets", in Shindin, B.A., ed., *Muzykal'naya kul'tura Sibiri*. [Musical Culture of Siberia], vol. 1, book 1, Novosibirsk State Conservatory named after M.I. Glinka, Novosibirsk, Russia, pp. 62–86.
- Sheikin, Yu.I. (2002), *Istoriya muzykal'noi kultury narodov Sibiri: sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [History of musical culture of the peoples of Siberia: Comparative-historical research], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Serpivo, S.E. (2016), *Zhenskoe prostranstvo v kul'ture nentsev* [Women's space in the Nenets culture], Istoricheskaja illustratsiya, Saint Petersburg, Russia.
- Tolstaya, S.M. (2021), "Well-wishing: semantics and grammar", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 4, no. 1, pp. 131–137.
- Vinogradov, G.S. (2009), *Etnografiya detstva i russkaya narodnaya kul'tura v Sibiri* [Ethnography of childhood and Russian folk culture in Siberia], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Маргарита Г. Белодедова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; belmargam@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0004-7184-6422

Information about the author

Margarita G. Belodedova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; belmargam@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0004-7184-6422